

УДК 327

Песцов Сергей Константинович

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Тихоокеанская Россия в АТР: новые горизонты азиатско-тихоокеанской интеграции

Исследуется комплекс проблем, связанных с возможностью интеграции Тихоокеанской России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Опираясь на Концепции внешней политики РФ на 2013 год, автор подчеркивает, что азиатско-тихоокеанский внешнеполитический вектор приобретает все большую конкретность и детализацию.

Ключевые слова и словосочетания: *Концепция внешней политики России, азиатско-тихоокеанское направление, транспарентная и равноправная архитектура сотрудничества, модель «догоняющего жизненного цикла продукта», модель регионального развития, хозяйственно-экономическая кооперация.*

Все последние годы российское руководство настойчиво декларирует необходимость все более существенной переориентации внешнеполитической активности страны в пользу азиатско-тихоокеанского направления, подчеркивая важность интеграции страны в Азиатско-Тихоокеанский регион. В Концепциях внешней политики РФ 2000, 2008 и 2013 гг. азиатско-тихоокеанский внешнеполитический вектор закрепляется в ряду основных региональных приоритетов, постепенно приобретая все большую конкретность и детализацию. Последний из указанных документов, утвержденный Президентом РФ В. Путиным 12 февраля 2013 г., также подчеркивает возрастающую необходимость укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе с ориентацией на решение двух основных задач. Первая из них связана с созданием в АТР транспарентной и равноправной архитектуры сотрудничества, опирающейся на универсальные принципы равной и неделимой безопасности. Вторая нацелена на использование возможностей АТР при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока [3].

Без особых изменений оставлен Концепцией внешней политики РФ 2013 г. и внешнеполитический инструментарий, главным элементом которого выступает «сетевая дипломатия» – вхождение страны во все действующие региональные объединения и налаживание в регионе партнерской

сети многосторонних организаций. Одновременно с этим новая Концепция вносит заметные коррективы в перечень региональных институтов и отдельных стран-партнеров, активизация взаимоотношений с которыми представляет для РФ особую значимость. Место прежнего ключевого институционального партнера в АТР – АТЭС теперь занимает Восточно-азиатский саммит (ВАС), который рассматривается в качестве основной площадки для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности и сотрудничества в регионе. Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) переместилась в число «вспомогательных» структур вместе с такими региональными общеполитическими объединениями, как Диалог Россия – АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Форум «Азия – Европа» (АСЕМ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА плюс) и Форум «Диалог по сотрудничеству в Азии» (ДСА). Заметные подвижки произошли и в перечне индивидуальных стран-партнеров РФ в этом регионе. Первое место Концепция внешней политики РФ 2013 г. сохранила за Китаем и Индией, а Япония, традиционно замыкавшая тройку приоритетных стран, уступила место КНДР и Республике Корея и теперь упоминается немногим ранее Монголии. В качестве стратегического партнера в Концепции специально упомянут Вьетнам. А замыкают этот список Австралия, Новая Зеландия и, несколько неожиданно, малые островные государства южной части Тихого океана [3].

Однако, несмотря на постоянные декларации и оптимистические доклады российских дипломатов о том, что с 2011 года РФ стала членом всех действующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе интеграционных объединений и потому теперь может в каждом из них продвигать свою повестку, реальное присутствие РФ в регионе выглядит не очень радужно. Даже без учета качества участия (интенсивность и результативность взаимодействий) показатели эти по-прежнему выглядят довольно скромно. На сегодняшний день РФ в качестве полноправного члена присутствует в 8 из 40 наиболее значимых региональных объединений. Российское присутствие в институционализированных интеграционных структурах АТР, как правило, ограничивается членством в универсальных и/или функциональных организациях общерегионального, межрегионального и трансрегионального уровней (в 7 из 19), таких, как ЕврАзЭС, ШОС, АТЭС, АРФ и АСЕМ. По общему правилу чем более масштабной (по числу членов или пространственному охвату) является организация, тем более общей становится обсуждаемая в ее рамках проблематика и менее обязывающими принимаемые ею решения.

Поскольку предметом первостепенной озабоченности России в АТР выступает общая региональная архитектура, кажется вполне ло-

гичной ее предпочтительная ориентация на присоединение именно к такого рода структурам. Однако, во-первых, она слабо сопрягается с возможностями решения задачи экономического и социального развития Сибири и Дальнего Востока, которая выступает в качестве важнейшего внутреннего стимула интеграции России в АТР. Во-вторых, нельзя не видеть, что общая региональная проблематика, как правило, вырастает из конкретных потребностей интеграционного сотрудничества, а переговорный вес государств региона в широких универсальных объединениях прямо пропорционален масштабу их присутствия в региональных экономических взаимодействиях, степени вовлеченности в конкретные интеграционные проекты и локальные кооперационные схемы. Россия не участвует практически ни в одной из региональных структур субрегионального и/или трансграничного уровней за исключением формального присутствия в программе «Большой Туманган», на практике реализующейся помимо ее желания. За процессами реализации большинства других аналогичных проектов она пока что только наблюдает. Крайне незначительным, если не брать во внимание отдельные двусторонние контакты, остается присутствие России в программах трансграничной кооперации Южной и Юго-Восточной Азии. В этой связи неудивительно, что многие, казалось бы, привлекательные региональные инициативы РФ не встречают широкой поддержки и тихо угасают.

Заметный разрыв между декларациями и устремлениями РФ, с одной стороны, и ее реальными позициями в АТР с другой, обуславливается многими обстоятельствами. Наряду с тактическими недоработками, негативное воздействие, ограничивающее успехи России на поприще регионального строительства и интеграции, оказывает ряд факторов мировоззренческого характера. К их числу могут быть отнесены (а) отсутствие у РФ позитивного опыта интеграционного сотрудничества, (б) ее болезненная приверженность принципу суверенитета и (в) склонность рассматривать региональную политику в качестве инструмента глобального влияния. Наконец, что не менее важно, в целом верно представление об АТР как ускоренно развивающемся геополитическом пространстве, куда перемещается центр тяжести мировой экономики и политики, зачастую скрывает целый ряд иллюзорных представлений и заблуждений.

Так, чрезмерно оптимистичными выглядят и общераспространенные представления, и не только отечественные, о содержании, характере и перспективах интеграции в АТР в целом. В значительной степени они вытекают из традиционных объяснений, связывающих экономические успехи азиатских государств с интенсификацией «неформальной» интеграции или «де-факто» регионализма. В действительности, основу азиатского экономического чуда обеспечил не только и даже не столько фактор интеграции. Более существенную роль в создании современной «фаб-

рики Азии» сыграла так называемая схема согласованного экономического роста или модель «догоняющего жизненного цикла продукта», получившая свое теоретическое обоснование еще в конце 1960 – начале 1970-х годов. Сущность взаимодействий в рамках этой модели определяется постоянным переходом сравнительных преимуществ от более развитых к менее развитым странам, который обеспечивается эффективным разделением труда в результате высвобождения первыми ниш (отраслей, достигших стадии зрелости) для производства и экспорта менее развитым партнерам [5]. Этот своеобразный механизм роста способствовал последовательному подъему Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура и ряда государств Юго-Восточной Азии. Он же привел к стремительному рывку Китая. И именно Китай сегодня превращается в главный, дезорганизирующий работу этого механизма, фактор. Одним из решающих условий успешного функционирования модели «догоняющего жизненного цикла продукта» является сохранение политической среды, способствующей индустриальному переносу, а главной опасностью – стремление национальных импортозамещающих отраслей быть «чрезмерно передовыми» [4. С. 165 – 178]. Неудивительно в этой связи, что опережающее развитие КНР с неизбежностью ведет к разрушению сложившейся в регионе схемы, и «внезапное» обострение застарелых микроконфликтов представляет собой не что иное, как поверхностное отражение нарастающих глубинных перемен.

Новая модель регионального развития, идущая на смену старой схемы, еще только формируется, возникая в виде отдельных, не всегда логически связанных друг с другом элементов. Несмотря на появление в последние годы в АТР целого ряда новых интеграционных схем и институтов и оптимистичные оценки достигнутого уровня интеграции, большая часть кооперационных взаимодействий в регионе продолжает осуществляться на двусторонней основе. Интенсификация двусторонних взаимодействий имеет свою обратную сторону, порождая феномен, получивший название «эффекта чашки лапши» [1. С. 6, 18]. Вследствие этого складывающаяся в АТР система связей остается крайне хрупкой, продуцируя к тому же появление новых очагов напряженности.

Не менее серьезной проблемой является и то, что хозяйственно-экономическая кооперация в том виде, как она до сих пор развивалась и развивается в АТР, пока что не смогла стать основой и мотором институционального строительства. Во многом именно это обусловило специфический для АТР в целом тип эволюционного развития регионализма, в рамках которого расширение экономического сотрудничества и процесс институционального строительства выступали в виде практически не связанных между собой параллельных процессов [2. С. 11]. Операционная эффективность складывающейся в АТР системы региональных институ-

тов остается серьезно ограниченной. Перекрестное членство в различных групповых структурах с неизбежностью накладывает на участников множество, хотя и не жестких юридических, но вполне действенных обязательств. И в случае противоречивых импульсов, генерируемых разными институтами, результатом становится либо бездействие, либо растянутый во времени процесс согласования компромиссной линии поведения. Нынешняя, довольно громоздкая конструкция региональных институтов в лучшем случае способна препятствовать перерастанию противоречий в открытые конфликты, удерживая их в латентном состоянии. Но ни один из этих институтов в отдельности, ни все они вместе не в силах бесконечно долго удерживать ситуацию в неизменном виде. Они не могут предотвратить перемены, вызываемые интенсивным экономическим ростом и расширением хозяйственных взаимодействий. Перемены, которым они сами призваны способствовать.

Довольно спорными выглядят и общераспространенное мнение о перспективах участия РФ в интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии, и возможности решения благодаря этому задач ускоренного хозяйственно-экономического развития своих дальневосточных территорий. Одно из заблуждений, на котором оно основывается, проистекает из представлений о Северо-Восточной Азии как регионе (субрегионе), обладающем значительным интеграционным потенциалом, вследствие сосредоточения здесь наиболее мощных и динамично растущих азиатских экономик. Однако, во-первых, большинство государств США непосредственно соприкасаются здесь своими наименее развитыми и перспективными районами. И, во-вторых, их основные геополитические интересы связаны с Юго-Восточной, Южной и Центральной Азией, тогда как Северо-Восточная Азия остается зоной периферийных интересов, своего рода «задним двором». Государства США, безусловно, заинтересованы в сохранении здесь мира и стабильности, но перспективы экономического развития связываются ими с активизацией интеграционных взаимодействий с партнерами в соседних регионах. Вовсе не случайно США является чуть ли единственным регионом современного мира, где отсутствует «собственное» региональное объединение.

Во многом нуждаются в переосмыслении и предполагаемые возможности использования Россией региональной интеграции в качестве средства решения проблем национального хозяйственного развития. Как показывает практический опыт многочисленных кооперационных экспериментов в разных регионах мира, сами по себе стимулирующие экономический рост интеграционные эффекты вряд ли стоит преувеличивать. А интеграция России в систему азиатско-тихоокеанских интеграционных взаимодействий, кроме всего прочего, связана с рядом дополнительных сложностей. У нее практически отсутствуют шансы воспользоваться хо-

рошо известными экономическими эффектами интеграции конкурентных экономик («эффект масштаба», «эффект охвата», «эффект повышения конкуренции» и т.п.), поскольку у нее нет, по крайней мере на Дальнем Востоке, достаточно развитой производственной базы. Столь же проблематичной для нее является и возможность использования позитивных эффектов интеграционной модели взаимодополняющих экономик. Сегодня Россия не обладает сколько-нибудь значимыми и эксклюзивными факторами производства, которые могли бы быть внесены в региональную кооперационную копилку. Даже география, как видно из опыта, оказывается «исчерпаемым» ресурсом, теряющим свою ценность по мере реализации Китаем масштабных инфраструктурных проектов в Юго-Восточной и Центральной Азии.

Интеграция России в динамично развивающуюся в АТР систему политико-экономических взаимодействий, без сомнения, относится к числу важнейших стратегических задач. Но, как показывает тот же Саммит АТЭС, прошедший во Владивостоке в 2012 году, даже самые благоприятные возможности, к сожалению, далеко не всегда способствуют появлению нужного эффекта. Стремительно меняющаяся ситуация в этой части мира показывает, что количество таких возможностей далеко не бесконечно. И пока Россия будет продолжать убеждать себя в необходимости интеграции в АТР, в регионе может просто не остаться для нее места.

---

1. Baldwin R. E. *Managing the Noodle Bowl: The Fragility of East Asian Regionalism* / R.E. Baldwin // *ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration*. – February 2007. – No 7. – P. 6, 18.

2. Kahler M. *Regional Institutions in an Era of Globalization and Crisis: Asia in Comparative Context* / M. Kahler // Paper prepared for delivery at the 2010 Annual Meeting of the American Political Science Association, September 2 – 5, 2010. – P. 11.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

4. Lau Man Lui *Industrialization, manufacturing-up and economic development* / Man Lui Lau // *Journal of Economics and International Relations*. 1990. Vol. 3. – P. 165 – 178.

5. Yamazawa Ippei *On Pacific Economic Integration* / Ippei Yamazawa // *The Economic Journal*. – November 1992. – No 102.